

ЧУЖАЯ СТОРОНА

Наталья ГРЕБЕНЮКОВА

История русской эмиграции начала XX века складывается из судеб многих и многих людей, из голосов поэтов и писателей, сохранявших на чужбине русскую культуру, язык, память. У одних жизнь складывалась удачно, давая импульсы к творчеству, одаривая признанием. Для кого-то сопровождалось острым, непреодолимым чувством потери. И тех и других объединяло одно — для полного счастья не хватало «запаха родной земли».

ДЕВОЧКА ИЗ ДЖАВАХОВСКОГО ГНЕЗДА

Лидия Юлиановна (Ивлиановна) Хаиндрова (Хаиндрава) (1910–1986), талантливая поэтесса дальневосточного зарубежья, родилась в Харбине 14 июня (по новому стилю) 1910 года. Этническая грузинка, она была младшей дочерью Ивлиана Левановича Хаиндравы от второго брака и после развода родителей с сестрой Сабиной воспитывалась в имении деда в Грузии, в селе Лехаиндрово. В 1916 году за сестрами приехала из Харбина жена Ивлиана Левановича Мария Александровна, и юность Лидии, ее зрелые годы прошли в Китае... «Моя родина — Харбин, — вспоминала поэтесса. — В России и на Кавказе была настолько маленькой, что совсем их не помню».

Ивлиан Леванович, отец Лидии, по воспоминаниям поэтессы, был сослан на Сахалин и впоследствии «был определен на место жительства в город Владивосток, был лишен дворянства и стал мещанином». Сколько помнит Лидия Юлиановна, отец всегда жил в Харбине, был «колоритной фигурой», человеком красивой, яркой внешности («асиро-вавилоно-бородатым»), по выражению харбинских журналистов) и незаурядного таланта: «Он писал стихи и даже издал сборник». Л.Ю. Хаиндрова посвятила ему стихотворение «Отец», в котором были такие строчки: «Мне дорога твоя лю-

бовь к отчизне,/ Мечта твоя лишь там увидеть смерть» (1940). Но мечта отца не сбылась: он умер в Харбине в 1938 году...

Лидия Хаиндрова окончила лучшую в Харбине гимназию М.А. Оксаковской, одновременно изучала дома французский и английский языки (впоследствии в СССР это очень пригодилось ей: она преподавала в школе английский язык). В гимназические годы публиковала свои стихи в рукописном журнале, а вскоре ее произведения стали появляться в журнале «Рубеж», который был литературным центром Харбина. «Рубеж» издавал Е.С. Кауфман, редактором был М.С. Рокотов-Бибинов.

С детства будущая поэтесса любила читать, как и многие ее сверстницы, зачитываясь романами Лидии Чарской, которая в течение 26 лет была характерной актрисой Александринского театра, а позже стала автором увлекательных романов о жизни закрытых учебных заведений («Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Люда Власовская» и многих других). «Девочкой из Джаваховского гнезда» называла Л.Ю. Хаиндрову поэт, переводчик и журналист Ю.В. Крузенштерн-Петерец (1903–1983), подчеркивая ее чистоту и «наивность».

Притом что Харбин был центром культуры и книжности, в городе, как это ни странно, ощущался «книжный голод». Журнал «Рубеж» писал, что «...в эмиграции мы... все с большим

Лидия Хаиндрова

трудом имеем возможность доставать книги (получаемые из заграницы книги, расцениваясь в валюте, недоступны рядовому обывателю)».

Поэтические предпочтения Л.Ю. Хаиндровой вполне соответствовали мотивам, образам, сюжетам ее стихотворений. Поэтесса признавалась, что с детства любила А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова («последнего чуть больше»). Из поэтов XX века ей были близки А.А. Блок, Н.С. Гумилев, С.А. Есенин, В.Я. Брюсов, А.А. Ахматова. «Поражал» ее Б.Л. Пастернак, но «властвовал над всеми Н.С. Гумилев».

«От Пушкина до Гумилева — таковы ступени постижения русской поэзии. С годами что-то менялось в характере, в мироощущении Хаиндровой, а любовь к избранным поэтам оставалась неизменной».

От Пушкина до Гумилева — таковы ступени постижения русской поэзии. С годами что-то менялось в характере, в мироощущении Хаиндровой, а любовь к избранным поэтам оставалась неизменной.

В 1920-е годы в Харбине возникли первые литературные объединения и клубы любителей поэзии. Е.П. Таскина, автор ряда книг и публикаций о культурной жизни русского дальневосточного Зарубежья, говоря об увлечении поэзией среди харбинцев, не удерживалась от восклицания: «Невольно задаешься вопросом, почему люди в условиях нелегкой борьбы за существование на чужбине проводили, как это было в Харбине, целые часы в литературных объединениях, слушали и сами читали доклады о русских классиках и современных поэтах, ходили на занятия по стихосложению, переключивали стихи на музыку или просто писали ее для мелодекламации и, наконец, печатались в журналах и газетах, издавали свои собственные сборники?»

По словам харбинской поэтессы Елизаветы Рачинской, «поэзия была частью нашей жизни, когда строки любимых поэтов звучали для нас как некое откровение, пели в сердце и то и дело просились на уста». Известно, что в 1920-40-е годы в Харбине и Шанхае было издано около 60 поэтических сборников.

Важную роль в объединении поэтических сил Харбина играл литературно-художественный клуб «Чураевка», созданный поэтом и педагогом А.А. Ачаиром (Грызовым) в 1926 году. Известно, что из «Чураевки» вышли такие талантливые поэты, как Арсений Несмелов, Ларисса Андерсен, Наталья Резникова, Ольга Тельтофт, Лидия Хаиндрова, Михаил Волин, Георгий Гранин, Валерий Перелешин, Николай Петерец, Николай Светлов, Сергей Сергин, Владимир Слободчиков, Николай Щёголев, Василий Обухов и другие. В 1932 году литературное объединение стало издавать ежемесячную газету «Чураевка».

В Харбине Л.Ю. Хаиндрова состоялась как поэтесса. В Китае она издала четыре поэтических сборника: «Ступени» (Харбин, 1939), «Крылья» (Харбин, 1941), «На распутье» (Шанхай, 1943) и «Раздумья» (Харбин, 194?). Стихи, вошедшие в эти книги, нашли благоприятные отзывы в журнале «Рубеж»: «Примиренностью, покорностью, мягкой вуалью грусти подернуты все стихи Лидии Хаиндровой...», «В этом маленьком сборнике много хороших стихов; много ярких образов, новых форм и звучных строк. Чувствуется, что поэтесса достигла творческой самостоятельности...». Учителем Л.Ю. Хаиндровой в поэзии считают А.И. Несмелова.

Кроме того, Лидия Хаиндрова участвовала в коллективных сборниках и альманахах: «Семеро», «Излучины», «Врата», «Багульник», «Остров», в «Гумилёвском сборнике», печаталась

Обложка книги
Лидии Хаиндровой

Лидия Хаиндрова

в газетах «Чураевка», «Русское слово», в журналах «Рубеж», «Понедельник», «Парус», «Феникс». В периодической печати Лидия Хаиндрова публиковалась под псевдонимами «Олег Южанин», «Нина Баратова», «Эрстави».

Литературно-художественный сборник «Багульник» (Харбин, 1931) включал прозу и стихи, он был издан на 196 страницах. В предисловии к этому сборнику редактор-издатель Ф.Ф. Даниленко, который исповедовал культ Родины, как и все эмигранты, писал: «Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию. И символом этого мы избираем — БАГУЛЬНИК». Примечательно, что Ф.Ф. Даниленко (1875 – после 1946), один из основателей и преподавателей Института ориентальных и коммерческих наук, писатель и синолог, с 1897 по 1901 год был на военной службе в Хабаровске.

В 1933 году Лидия Хаиндрова вышла замуж за Алексея Леонидовича Сереброва и в 1937-м переехала в Дайрен. Там она работала представителем и корреспондентом газеты «Заря», про-

должая писать стихи, и в 1943 году уехала к своим братьям в Шанхай. К тому времени в Шанхае оказались и многие другие участники «Молодой Чураевки», создавшие там новый литературный кружок. Они назвали его по дню, когда собирались, «Пятницей». Члены литературного объединения (Л.Н. Андерсен, В.Н. Иевлева, М.П. Коростовец, Ю.В. Крузенштерн-Петерец, В.Ф. Перелешин, В.А. Серебряков, В.Н. Померанцев, Л.Ю. Хаиндрова, Н.А. Щёголев) чувствовали себя оторванными от мира, «в котором грохотали бомбы, и рвались снаряды, и выли сирены, и остро пахло кровью...». Хаиндрова писала в автобиографии, что «была участницей многих литературных кружков, но самым любимым и родным был кружок «Пятница».

Уже после войны в 1946 году участники шанхайского кружка «Пятница» выпустили интересный поэтический сборник «Остров». Соредакторами сборника «Остров» были В.Ф. Перелешин и Н.А. Щёголев. В сборник «Остров» включены стихи «Дым», «Карусель», «Кольцо», «Камея», «Светильник», «Море»,

«Химера», «Пустыня», «Ангел», «Феникс», «Сквозь цветное стекло», «Кошка», «Достоевский», «Россия», «Дом», «Зеркало», «Колокол», «Мы плетем кружева», «Поэт», «Джиоконда». Воспоминания о совместной работе в «Пятнице» и книге «Остров» навсегда осталась в памяти участников сборника. Л.Ю. Хаиндрова в письме к поэту и коллекционеру А.В. Ревоненко говорила об «Острове» скупно: «Там попадают любопытные, а часто просто хорошие стихи...». Валерий Перелешин собирался переслать Хаиндровой «все свои стихи и переводы, как новые, так и старые». Он хотел, «чтобы его знали и дома. Вы понимаете, что значит дома?» — спрашивала Лидия Хаиндрова. Для поэтессы домом была Россия — только на русском языке она писала стихи, только «запах земли родимой» мог принести ей покой и счастье.

Поэты дальневосточного Зарубежья посвящали друг другу стихи, при необходимости помогали друг другу, после отъезда из Китая поддерживали добрые отношения, вели переписку. Видной фигурой русского Китая был Вс.Н. Иванов, писатель, историк, русский философ, один из авторов сборника «Багульник»,

«Поэты дальневосточного Зарубежья посвящали друг другу стихи, при необходимости помогали друг другу, после отъезда из Китая поддерживали добрые отношения, вели переписку».

где был опубликован его очерк «По Пекину». Много позже, когда Вс.Н. Иванов и Л.Ю. Хаиндрова были репатриированы и ему определили для проживания Хабаровск, поэтесса, оказавшаяся в Краснодаре, писала ему письма. Такие дорогие для нас, они хранятся в собрании Гродековского музея.

А.И. Герцен когда-то очень хорошо сказал о письмах: «Как сухие листья, перезимовавшие под снегом, письма напоминают другое лето, его зной, его теплые ночи, и то, что оно ушло навеки веков, по ним догадываешься о ветвистом дубе, с которого их сорвал ветер, но он не шумит над головой и не давит всей своей силой, как давит в книге».

К одному из писем, датированному 30 мая 1968 года, Лидия Юлиановна приложила подборку стихов, одобренных одной известной поэтессой. Хаиндрова выполнила просьбу Вс.Н. Иванова прислать «свои сборнички». Автор письма с грустью сообщает, что «меня еще нигде не печатают... хотя стихи и не совсем плохие, но ведь их все равно не напечатают».

По тону письма чувствуется, что Лидия Юлиановна винит в этом себя: «Ведь я больше двадцати лет не писала ни строчки».

Вернувшись на Родину в 1947 году, она смогла опубликовать небольшой сборник стихов «Даты, даты...» лишь в 1976-м. Через десять лет вышел коллективный сборник с участием Хаиндровой «Щедрость». В стихотворении «Родина» Лидия Юлиановна писала:

*Родина! А ты простишь меня?
Когда, не выбирая дня и часа,
Да, именно не выбирая дня,
На полувздохе песни недопетой,
В какой- то миг весны, зимы иль лета
Тебя покину! Стану горсткой праха,
Не ведающей ни любви, ни страха,
И никогда не отыщу тебя!*

Так и ушла поэтесса «на полувздохе песни недопетой», не дождавшись издания в России большого поэтического сборника, но самое главное — она обрела Родину, которая столько долгих лет приходила к ней только во сне, скрытая «за дымкой непогоды»...

ПОЭТ-СТРАННИК

В фондовом собрании Гродековского музея есть архивы, которые включают материалы поэтов восточной ветви зарубежья. Жемчужины этих коллекций — рукописи, письма, редкие издания книг, литературно-художественных журналов, альманахов, вывезенные из Китая в Советский Союз в 1940-е годы и, по счастью, не реквизированные на границе. Среди них есть и те, которые связаны с именем поэта и прозаика Бориса Беты.

Судьба Бориса Васильевича Буткевича (Бориса Беты, 1895–1931 (?)) характерна и для многих поэтов-воинов, переживших вынужденную разлуку с Родиной. Утверждают, что Борис Буткевич был знаком с Александром Блоком, был поклонником его творчества. Можно предположить, что знакомство это не такое уж близкое, ведь Блок был признанным поэтом, да и разница в возрасте у них немалая, а петербургский период в жизни Бориса Буткевича оказался весьма кратким. Блоком бредила вся молодежь Москвы и Петербурга, сборники его стихотворений стали для многих настольными книгами, почти все знали наизусть ритмически богатые и образные стихи Блока, особенно «Незнакомку». Юрий Анненков вспоминал: «Блок... был нашим избранником. Мы недолюбливали Бальмонта... Подсмеивались над Зинаидой Гиппиус... Предпочитали

Борис Бета

«Стихи Бориса Беты, образные и богатые интонационно, остались на желтых газетных листах да на полуистлевших страницах рукописей... Между тем, они вне времени и нетленны».

мы Брюсова, но он был слишком холоден и академичен... Ближе других был Андрей Белый... Тепло прислушивались к Кузмину. Внимательно — к Иннокентию Анненскому. Но избранником был Блок». В течение всей дальнейшей жизни Бориса Беты воспоминания о Петербурге внезапно оживали в его стихах.

После успешного окончания кавалерийского училища Борис Васильевич служил в чине штаб-ротмистра Пятого гусарского Александрийского полка Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Гусаров называли в народе «черными гусарами», или «гусарами смерти», потому что на офицерском полковом знаке был изображен череп со скрещенными костями. «Адамова голова» — древнехристианский символ, он в русской армии имел тайный смысл: готовность умереть за Веру, Царя и Отечество и

обретение тем самым бессмертия. В Пятом гусарском Александрийском полку служил Николай Гумилев и недолго Сергей Есенин.

Борис Бета был участником Первой мировой и Гражданской войн. В конце 1914 года Пятая кавалерийская дивизия, в состав которой входил Александрийский гусарский полк, защищала подступы к Варшаве, сдерживая наступающую немецкую армию. Вероятно, этому событию посвящено стихотворение Б. Беты «Лошадь Паллада»:

*О Господи, прости меня,
Что я опять желаю брани,
Что вот опять мое желанье
Проходит, славою звеня,
Отменным полевым галопом
На страх застигнутой Европы!*

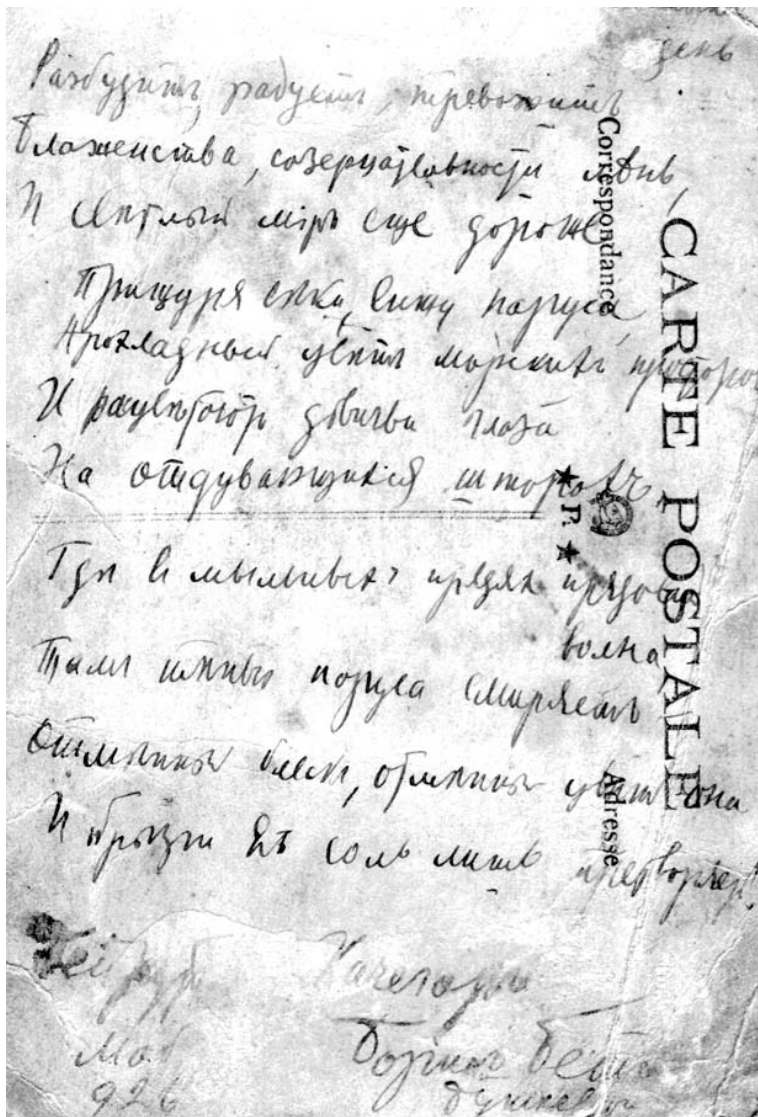
Участвовал ли Борис Бета в Ледяном походе, неизвестно, но в начале 1920 года он оказался во Владивостоке вместе с другими офицерами Белой армии, хотя, по словам исследователя его творчества А.В. Ревоненко, «какой-нибудь особой вины перед советской властью у него не было». О Владивостоке периода интервенции Всеволод Никанорович Иванов вспоминал: «Во Владивостоке до 20 последовательных правительственных переворотов и взятий власти». У Бориса Беты есть стихотворение о Владивостоке тех лет:

*И ветер развевает флаги,
Показывая их цвета.
Не город, а какой-то лагерь,
И лагерная суета.
И тут же возле, с ними рядом,
Солдатский косолапый ряд.
Японцы, угольные взглядом,
Опять насмешливо глядят...*

Борис Бета был во Владивостоке заметным поэтом и рассказчиком, много печатался в газетах «Голос Родины», «Вечерняя газета», однако поэтического сборника не издал. В одной из владивостокских газет, в колонке «Библиография» неизвестный автор с сожалением писал о поэте: «А видели вы где-нибудь сборник стихов Бориса Беты? Они теряются по газетам и журналам, а Бета ютится где-то в общежитии для студентов».

Стихи Бориса Беты, образные и богатые интонационно, остались на желтых газетных листах да на полуистлевших страницах рукописей... Между тем, они вне времени и нетленны:

*Какой-то голос постоянный
Меня зовет по вечерам.*

Оборот
фотографии
Бориса Беты

Гляжу на полусвет стеклянный,
На белый крест беленых рам.
Пожалуй, я (иначе кто же?),
Тюремно мрачен и тосклив,
Глядит, так на меня похожий,
Брезгливо рот перекосив...

Испанскому поэту, драматургу, музыканту и художнику Федерико Гарсиа Лорке (1898–1836) принадлежат слова о том, что «поэтический образ — это всегда трансляция смысла». Поэт, воссоздавая мир гармонии и красоты, следует логике и творит в рамках строгой реальности. Часто Борис Бета, обобщая действительность, зашифровывает ее в зрительных и цветовых образах — его поэтический язык краток и музыкален.

Поэт еще и мастер подтекста, и это подтверждает, в частности, его стихотворение «Вестник», созданное во Владивостоке в 1922 году в сложной обстановке смены власти, пе-

ред эмиграцией поэта. В стихотворении переплетены вечные темы и мотивы, характерные для поэзии вообще, — тема смерти, рока, далекой, но незабытой войны, мотив пути, одиночества и изгнанничества.

Во Владивостоке Борис Бета работал как прозаик. В разных местных изданиях публиковались его рассказы «Обстоятельства сердца», «Женщина за окном», «Письмо, которое я не отправил», повести «Два выстрела», «Счастье», а также воспоминания «Встреча с Блоком». В 1922 году Бета принимал участие в альманахе «Парнас между сопок», в котором была опубликована его «Фокстротная поэма» (1922), получившая высокую оценку критиков. После 1920 года (возможно, в 1922-м) поэт эмигрировал в Китай.

Позже он писал:

Ну почему бы не поплыть,
А то отправиться пешком,
С бродячим за спиной мешком,
Туда, где с башнями углы
Оглиненных кизячьих стен...

Борис Бета приехал в Чанчунь, продал свою амуницию, добрался до Мукдена. Здесь он устроился кочегаром, потому что литературным трудом прожить было невозможно. Потом Харбин, Пекин, Циндао, Шанхай... Борис Бета бывал и в Японии.

Поэт и редактор Н.Ф. Светлов, первый председатель литературного объединения в Харбине «Молодая Чураевка», в рецензии на стихи Б.В. Беты отмечал, что главное достоинство его поэзии — «умение сочетать точность с тонкостью, с нюансом». Эти слова можно отнести и ко всему творчеству Бориса Беты.

В начале 1923 года во Владивостоке в пользу голодающих была подготовлена и вышла книга Бориса Беты «Поездка на елку в Советскую Россию». Бета участвовал и в коллективном приключенческом романе «Тайна безымянной батарееи», который печатался в «Новой вечерней газете» с января 1923 года. Из Харбина поэт переехал в Шанхай, много писал, бедствовал по-прежнему. Говорят, что искусство легче уживается с нищетой, чем с довольством, и расцветает не в затхлой атмосфере, а только при суровом ветре да еще на каменистой почве... В 1924 году из Шанхая вместе с Первым Сибирским Императора Александра Первого кадетским корпусом Борис Бета прибыл в Югославию, в Сербию. Как герой стихов другого поэта-эмигранта, В.В. Набокова, он «страны менял, как фальшивые деньги, / торопясь и боясь оглянуться назад». В Евро-

пе Борис Бета работал портовым грузчиком, пастухом в Нижних Альпах, носильщиком, кочегаром, плавал в Средиземном море, бывал в Африке и в Малой Азии. Много бродяжничал... Судьба привела его во Францию.

К этому времени во Франции сосредоточилось около 400 тысяч русских эмигрантов. Н.М. Зёрнов, русский философ, богослов, исследователь православной культуры, воспроизводил такую картину Парижа 1920-х годов: «Внутри столицы Франции образовался русский городок. Его жители могли почти не соприкасаться с французами. По воскресеньям и по праздникам они ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали провизию в русских лавчонках и там узнавали интересовавшие их новости... посылали детей в русские школы... В эти годы в Париже было более трехсот организаций. Все эти общества устраивали заседания... Приходя на эти собра-

«Многие поэты-эмигранты посвящали друг другу стихи. Это было внутренней потребностью поддержать, оценить талант, успеть сказать человеку самое важное — ведь их жизнь часто была хрупкой и непредсказуемой».

ния, шоферы такси или рабочие завода снова становились полковниками или мичманами флота, портнихи — институтками, скромные служащие — сенаторами или прокурорами. По данным исследователя О.Н. Михайлова, автора многих работ о литературе русского зарубежья, во Франции с 1926 по 1930 год было 52 названия русских издательств.

В 1926 году Борис Бета послал поэту, прозаику, публицисту Н.Н. Берберовой (1901–1993) в Париж свой рассказ «Новый дом». В мемуарной книге «Курсив мой» Н.Н. Берберова вспоминает: «Рассказ... я немедленно напечатала — он был талантливый, и все потом (даже Бунин) говорили, что автор «обещает». Мы стали переписываться...» В 1928 году Нина Берберова хотела помочь писателю устроиться «хотя бы марсельским корреспондентом «Последних новостей». Она предложила Борису Бете встретиться на вокзале, когда ехала из Канн в Париж. «Выхожу в Марселе на платформу, — вспоминала Нина Берберова. — Стоит перед вагоном маленький человек, скромно одетый, курносый, с глупым лицом и повадками провинциала. Я подошла. Стали разговаривать. Я старалась не замечать его внешности и сразу перешла к делу. Вдруг человек говорит: «Я —

не Буткевич. Извините, только Буткевич не пришел, я за него». «А где же он?» — спросила я, сердце мое упало. Я почувствовала, что сейчас ужасно рассержусь.

— Они не пришли, — сказал человек, — потому что у них нет нового костюма, а в старом они стыдятся.

Я онемела. Мысль, что кто-то не пришел из-за дырявого пиджака и стесняется МЕНЯ, мне показалась совершенно абсурдной... Позже Буткевич извинился передо мной, написав мне, что он был болен и к поезду прийти не мог. Я своих чувств к нему не изменила: писала ему, устроила две его корреспонденции в газету и, когда он умер на больничной койке, написала о нем некролог.

Если сопоставить описание Нины Берберовой и маленькую, пожелтевшую от времени любительскую фотографию поэта, человек «с повадками провинциала» и был Борис Буткевич! Он не мог явиться к даме, блестяще образованной, на то время жене русского поэта, пушкиниста В.Ф. Ходасевича, за помощью. Это было для него унижительно. И он, бесхитростный, независимый человек, не привыкший ни у кого просить, придумал, словно режиссер и актер, образную мизансцену, чтобы решить, хотя бы на время, свою финансовую проблему...

Умер поэт в марсельском городском госпитале города Консежион от туберкулеза в нищете и одиночестве. Испытывая жестокую нужду, он еще при жизни продал свое тело, и после смерти поэта оно было отдано в анатомический музей.

Историку В.О. Ключевскому принадлежат слова: «Жизнь поэта — только первая часть его биографии; другую и более важную часть составляет бессмертная история его поэзии». После смерти поэта шанхайский журнал «Врата» публиковал его стихи и прозу. В первой книге напечатаны стихи «Лошадь Паллада», «Голос», рассказ «Лель». Во второй — подборка стихов «Маньчжурские ямбы», «Вестник» и прозаическое произведение «Пепел».

Многие поэты-эмигранты посвящали друг другу стихи. Это было внутренней потребностью поддержать, оценить талант, успеть сказать человеку самое важное — ведь их жизнь часто была хрупкой и непредсказуемой. Борису Бете посвятили свои стихи А.И. Несмелов («Урок», «Авантюрист») и М.В. Щербаков («Когда-то царственным цветом...»). У Щербакова есть такие строки: «Твоих стихов простой набор, / Как в щелке — голубой цветок!». С голубым цветком, беззащитной незабудкой можно сравнить и самого Бориса Бету... **ИБ**